

Людмила СУКИНА
(Переславль-Залесский, Россия)

**Замосковский край во второй
половине XVI–XVII вв.:
источники исследования
локальной культуры
исторического региона**

Замосковье или Замосковский край, Замосковные города – историческое название Северо-Восточной Руси в XVI–XVII вв. На его территории находились города Владимир, Суздаль, Ростов, Переславль-Залесский, Можайск, Тверь, Кострома, Ярославль. Замосковский край, наиболее близкий к столице географически и исторически, в XVI–XVII вв. находился под её сильным культурным влиянием. В то же время, Замосковский край сохранил определенное культурное своеобразие и традиционные культурные связи, сложившиеся в прошлом, еще в удельный период, когда государственное образование носило название Владимиро-Суздальской земли. Между Москвой и окружающими её городами со второй половины XV в. шел интенсивный культурный обмен. Именно Замосковье выдвинуло целый ряд видных деятелей русской церкви, книжников, зодчих и иконописцев, активно участвовавших в процессе создания столичной культуры и распространявших её вокруг Москвы.

Проблема современной науки состоит в выявлении характерных черт этой локальной культуры в «общерусском» культурном массиве того времени. В работе рассматриваются источники, позволяющие осуществить такое исследование, а также методы их герменевтического анализа.

В XII в., когда Северо-Восточная Русь представляла собой относительно единое государственное образование под управлением Юрия Долгорукого, а затем его сыновей Андрея Боголюбского и Всеволода Большое Гнездо, центрами формирования культуры региона выступали Владимир, Суздаль и Ростов. Их культурная среда определяла стиль и тенденции развития письменности и литературы, архитектуры и живописи [10]. Через эти столичные города осуществлялись художественные контакты с Востоком и Западом [14].

В XIII в., после смерти Всеволода Большое Гнездо, Северо-Восточная Русь, разделенная на уделы, получила возможность многополярного культурного развития. Формируются «удельные» литературные и художественные школы, среди которых своим своеобразием выделяются Ростовская, Ярославская и Тверская. Культурные особенности эти удельные центры смогли сохранить даже в период монголо-татарского ига, вплоть до присоединения в XV в. к великому княжеству Московскому [8].

В «московский» период территория Северо-Восточной Руси становится ядром создававшегося великими князьями и царями династии Рюриковичей-Калитичей Русского государства. Все остальные земли, включая Новгородско-Псковские и русский Север, в XVI–XVII вв. по-существу оставались «украинными» – зоной постоянных военных столкновений с татарами или поляками и литовцами, шведами. В этих условиях Замосковье приобретает значение оплота русской государственности, для поддержания целостности которого власть использовала не только административные, но и культурные крепости.

В конце XIV – начале XV вв. складывается столичная культура Москвы. В сфере изобразительного искусства с ней связаны имена Феофана Грека, Андрея Рублева, Дионисия, делавших в своем творчестве акцент на художественном воплощении догматической стороны православия, создававших иконы на сюжеты, имеющие общекультурное значение. Московская литература, представленная, в частности, летописанием, содержит идеи объединения русских земель вокруг Москвы, выступающей защитницей православной Руси от иноплемennых и инославных врагов.

Протекционистская культурная политика московских князей на присоединяемых к Москве территории не сводилась к финансовой и политической поддержке вновь создаваемых монастырей как форпостов столичной культуры в Замосковье, но и в помощи при восстановлении городов и главных городских храмов после очередного татарского набега или междоусобных столкновений. Так, великий князь Василий I не пожалел средств для ремонта соборов целого ряда подмосковных городов после нашествия хана Едигея. Иконы для них по его же заказу писала мастерская одного из крупнейших московских художников того времени – Феофана Грека [1, с.10–27].

Однако до XVI в. территории, локализовавшиеся позже как Замосковский край, сохраняли существенные различия в культуре, что объясняется, на наш взгляд, не столько силой и устойчивостью местных

культурных традиций, сколько слабостью московского политического и экономического ресурса. «Интервенции» московской культуры в недавно присоединенных землях все еще оставались эпизодическими.

Оформление единого культурного массива Замосковья, основные тенденции развития которого диктуются и контролируются столицей, связаны с созданием Российского царства, сопровождавшегося формированием «предписанного» православия, чьи нормы и каноны распространялись на всю территорию страны и за обязательностью исполнения которых должны были следить светские и церковные власти на местах. В середине XVI в. при Иване Грозном был создан целый комплекс текстов, регламентирующих культурные нормы. Это Стоглав 1551 г. и «наказные списки» его основных положений, предназначенные к рассылке по городам и крупнейшим монастырям, новая редакция Домостроя, образцовые Минеи-Четии митрополита Макария. Эти тексты оказали наибольшее формирующее влияние на культуру Замосковья.

В XVII в. установленные прежде нормы были подтверждены и развиты Уложением царя Алексея Михайловича, царскими и патриаршими грамотами, решениями Больших соборов середины столетия. Появились и новые тексты, содержавшие разъяснение нормативных правил благочестия и вероисповедания. В 1670 г. в Москве вышли Большой и Малый Катехизисы, Цветная Триодь, в 1672 г. Постная Триодь.

В Замосковные города, связанные со столицей относительно удобными для своего времени сухопутными и водными путями сообщения, эти тексты попадали в первую очередь. Они также распространялись и копировались в крупнейших монастырях, которым покровительствовала светская и церковная власть (Иосифо-Волоколамский, Троице-Сергиев, Новоиерусалимский и др.). По территории Замосковья проходили маршруты традиционных ежегодных богомолий царей и членов их семей, митрополитов, а затем и патриархов. Большинство духовенства, знатных, служилых и книжных людей, а также простого населения поддерживали усилия властей в деле унификации и реформирования церкви и культуры, что, впрочем, не исключало и участия некоторой части жителей региона в старообрядческом движении.

Замосковье первым усваивало новые формы архитектуры (например, шатровое зодчество), технические и стилистические нововведения, идущие из Москвы, где в крупнейших строительных работах активно участвовали в это время итальянские мастера. Иконописные мастерские Замосковных монастырей и городов быстро подхватывали иконогра-

фические новинки, охотно начинали пользоваться образцами, в основе которых лежали гравюры западноевропейских художников.

В то же время мощный пласт собственной, региональной художественной традиции позволял долго сохранять местные особенности, отличавшие произведения мастеров «городовых» школ от работ столичных художников. В XVII в. иконы ярославских и костромских иконографов, расцвет искусства которых опирался на мощную материальную поддержку местного купечества как основного заказчика их творений, не уступали по своему качеству образам, выходявшим из стен Оружейной палаты Московского Кремля. В этот период особенно очевидным становится обратное влияние замосковной городской культуры на столичную.

Осмыслить специфику и своеобразие локальной культуры Замосковья позволяет обширный корпус источников, сохранившийся до нашего времени. От XVI–XVII вв., в отличие от более раннего времени, до нас дошли памятники права и документы распорядительного характера, документация, связанная с организацией городской и церковной жизни, хозяйственной деятельности, большое количество агиографических и нравственно-учительных текстов. Анализ этих письменных источников позволяет выявить множество подробностей, выделяющих культуру данного региона из общерусского культурного массива.

Для понимания особенностей культуры исторического локуса большую ценность имеют невербальные источники. В первую очередь, это памятники архитектуры и изобразительного искусства. Учитывая специфику архитектуры, использующую в основном выразительные, а не изобразительные приемы передачи смыслов, при ее источниковедческом анализе необходимо использовать сравнение с данными письменных источников, связанных с созданием исследуемых архитектурных сооружений. Памятники иконописи и монументальной живописи позднего Средневековья сами по себе более информативны, чем архитектура. Но, как и в отношении памятников архитектуры, в большинстве случаев данные, полученные в результате источниковедческого анализа памятников иконописи и монументальной живописи, могут быть верифицированы с помощью информации письменных источников.

Рамки данной публикации не позволяют рассмотреть весь источниковый контекст исследования специфики локальной культуры Замосковского края, включающий в себя не только письменные источ-

ники, но и памятники архитектуры, иконописи, прикладного искусства. Поэтому более подробно остановимся на круге письменных источников и некоторых памятниках изобразительного искусства, связанных с важной для средневековой культурной сферой прославления местных святых, почитаемых на территории выделенного нами историко-географического локуса.

В середине XVI в. государством и церковью были предприняты определенные усилия для закрепления общеправославных и утверждения национальных образцов святости. При московском митрополите Макарии состоялась канонизация русских святых, а краткие редакции текстов их житий вошли в состав Миней-Четых, в которых были собраны все духовные четьи книги, признанные церковью годными для «научения в вере» православных христиан.

Но Миней, хоть и предназначались «в душевную пользу всем православным христианам», абсолютному большинству из них не были доступны. Описи библиотеки Иосифо-Волоколамского монастыря 1573 и 1591 гг. показывают, что даже такая знаменитая обитель не имела их полного комплекта [7, с.58]. Другие, известные еще в Древней Руси сборники агиографических текстов – прологи и месяцесловы также присутствовали в монастырских и церковных книгохранилищах в ограниченных количествах, то же можно сказать и о распространенных редакциях житий отдельных святых.

Еще В.О. Ключевский отмечал, что во второй половине XVI в. роль своего рода упрощенных миней выполняли разнообразные по составу торжественники, в которых жития перемежались поучениями и сказаниями и располагались в календарном порядке, и трефологии – сборники церковных служб, выбранных из служебной миней [6, с.247]. Уже упоминавшаяся выше опись книг Иосифо-Волоколамского монастыря, опубликованная Р.П. Дмитриевой, и описание рукописей этой обители, хранящихся ныне в ГИМ, сделанное Т.В. Диановой, Л.М. Костюхиной и И.В. Поздеевой, как нельзя лучше подтверждают это. Большинство книг монастырской библиотеки наряду с Евангелиями составляли богослужебные сборники с агиографическими текстами [7, с.42–414]. Наши собственные наблюдения над составом книгохранилищ Троице-Сергиевой лавры, Воскресенского Новоиерусалимского монастыря, крупнейших монастырей Переславля-Залесского, Ростова и Ярославля также подтверждают эту тенденцию. Добавим, что и для XVII в. также была характерна подобная ситуация.

Происхождение сборников в монастырских библиотеках различно. Владельческие и вкладные записи на книгах свидетельствуют о том, что среди них были рукописи, заказанные монастырем и выдававшиеся из книгохранительницы для чтения братии, а также келейные книги, находившиеся в личном распоряжении наиболее авторитетных старцев обители. Значительная часть сборников поступала в монастыри в виде вкладов от частных лиц, то есть до этого находилась в пользовании у представителей разных социальных групп населения, в основном, бояр, дворян, купцов, зажиточных крестьян и посадских.

Монастырские описи и сохранившиеся до нашего времени многочисленные сборники агиографических и учительных текстов свидетельствуют о распространении в XVI–XVII вв. житий русских святых. Церковь не только проводила мероприятия по канонизации местных святых, но и в дальнейшем всячески прививала традицию их почитания. В богослужебных и служебно-учительных сборниках, распространенных в Замосковном крае, упоминаются киевские святые, святые Северо-Восточной Руси и русского Севера. Так, например, в служебно-учительном сборнике середины – третьей четверти XVI в. из Иосифо-Волоколамского монастыря в последование церковного пения на весь год включены имена архиепископа Иоанна Новгородского, митрополита Киприана, князей Федора, Давида и Константина Ярославских, князя Михаила Черниговского и боярина Федора, Сергия Радонежского, Савватия Соловецкого, Саввы Вишерского, Ефимия Новгородского, Андрея, юродивого, Варлаама Хутынского, Никона Радонежского, князя Александра Невского, Якова Ростовского, митрополита Петра, Павла Комельского, Михаила Клопского, епископа Никиты Новгородского, Дмитрия Прилуцкого, митрополита Алексея, Макария Калязинского, митрополита Ионы, Зосимы Соловецкого, Пафнутия Боровского, князей Бориса и Глеба, Феодосия Печерского, епископа Леонтия Ростовского, Дионисия Глушицкого, Кирилла Белозерского, князя Владимира, Александра Свирского [7, с.329]. В другие сборники включались и имена Авраамия Ростовского, Стефана Сурожского, Никиты Переславского, Иоанна Белгородского. Все эти святые были удостоены общерусского почитания [4]. Слыша на церковных службах упоминания русских святых, миряне привыкали почитать, в первую очередь, именно тех их них, чьи имена звучали чаще.

Списки поминаемых в церкви святых постоянно расширялись и корректировались после новых канонизаций. Опять же еще В.О. Ключ-

чевский заметил, что состав богослужебных и служебно-учительных сборников весьма разнообразен. Обычно особое внимание в них уделялось тем святым, культ которых был связан с данной местностью [6, с.250].

Вероятно, повторявшиеся на монастырских и церковных службах имена должны были формировать в сознании духовенства и мирян представления о святости русской земли, и в том числе о святости того места, где им приходилось жить. Но, если сравнить между собой сборники, составленные в разных регионах, то можно обнаружить и еще одну тенденцию, на которую не обратил внимания Ключевский, работавший в основном с книжными собраниями Иосифо-Волоколамского и Соловецкого монастырей. Постепенно в этих сборниках начинает просматриваться некая религиозная разделенность, обособленность. В сборниках, составлявшихся в Замосковье, из северных святых поминается, в основном, только Савватий Соловецкий. Любопытно, например, что в находившихся в 60 верстах друг от друга и известных своими древними святынями Ростове и Переславле-Залесском почти не было взаимного почитания святых: в Ростове – переславских, а в Переславле – ростовских [16, с.85–92]. Эта особенность подтверждается и материалами иконописи. Переславль, рано вошедший в состав Московского княжения, культурно тяготел к Москве и Владимиру, а Ростов был объединен в один культурный ареал с Ярославлем. Снова свести «русскую святость» воедино удалось только в конце XVII – начале XVIII вв. будущему ростовскому митрополиту Димитрию Туптало, составившему новые Четьи-Минеи.

Основным источником знаний о нормах благочестивого поведения для большей части населения Замосковья, как и в других регионах Русского государства XVI–XVII вв., были синодики – рукописные, а позже и гравированные книги для записи имен в целях церковного поминания во время богослужения. В целом, состав предисловий этих сборников был довольно стандартным. Главные отличия содержатся именно в поминальной части.

Помянники синодиков открываются поминаниями царей и великих князей, а также церковных иерархов. В синодиках, принадлежавших крупным монастырям, бывшим духовными центрами региона и во многом определявшим специфику конфессиональной составляющей региональной культуры, в начало помянника включались также поминания особо почитаемых русских святых.

Персонифікація руских святих в синодиці зависела от конкретної місцевості, де знаходилась обитель. Для наглядності розглянемо це на прикладі рідко зустрічаються лицевих екземплярів синодиків з ілюстрованим помянником.

В поминальну частину синодика ярославського Спаского монастиря 1656 г. вплетено листи з зображеннями погібшого в Угличі царевича Дмитрія, князів Федора, Давида і Константина Ярославських [17]. Ярославські князів Ростиславичі, поховані на території монастиря, і Дмитрій Угличський особливо почиталися в цій обителі. Хоча вони і були пов'язані своїм походженням з знаменитими і давніми князівськими родами, не удостоїлися общеруської канонізації і вічного поминання не за ратні чи державні заслуги, а завдяки своїй вірі, мученичеській кончині і висланню за це посмертним чудесам «благотворення». Поминання цих святих включалися в помянники великих монастирив Замосковья для підтримання образу монашеського благочестя.

Синодик Троице-Сергієвої лаври, «построєний» в 1680 г. керівником Оружейної палати Московського Кремля боярином Богданом Матвєєвичем Хитровим, відкривається зображенням в лист Сергія і Никона Радонежських [11, с.81–82]. Ці святі, особливо Сергій Радонежський, були образами монашеського служіння і широко почиталися на всій території Замосковного краю.

Важкими джерелами дослідження почитання руских святих на історично локалізованій території можуть служити фрескові розписи храмів. В середині – другій половині XVII в. оздоблення фресками інтер'єрів уже існуючих і знову збудованих храмів стає характерною рисою культури Замосковья. Цей регіон Руського державства, надійно захищений від зовнішнього ворога «українськими» оборонними лініями з їх потужними фортецями і засіками, швидко багатів на внутрішній і зовнішній торгівлі. Наявність постійних масштабних замов, кожен з яких забезпечував іконописців роботою на кілька років, формує і підтримує знамениті костромську і ярославську школи фрескової живописи, представлені кількома майстрами.

Іконографічні програми розписів храмів складалися художниками-фрескистами з урахуванням побажань, релігійних поглядів і естетичних смаків замовників, в ролі яких виступає братія найбільш багатих монастирив, а також торговельна верхівка

городского населения. Решение о включении в систему фресковой росписи тех или иных циклов и композиций опиралось не только на общерусский церковный канон, но и на устойчивые региональные традиции предпочтительного почитания определенных святых.

Мы не имеем возможности проанализировать весь дошедший до нашего времени массив храмовых росписей Замосковья, состоящий из почти двух десятков стенописей церквей Москвы, Ярославля, Костромы, Владимира, Ростова Великого и других городов. Поэтому возьмем в качестве примера одну из самых ранних и одну из самых поздних стенописей. Думается, что даже такой беглый взгляд на данные источники позволит уловить основную тенденцию.

Первый из избранных нами памятников – стенопись Троицкого собора Данилова монастыря в Переславле-Залесском. Фрески собора Данилова монастыря 1662 – 1668 гг. были первой самостоятельной работой, выполненной костромичом Гурием Никитиным «с товарищами».

Подрядил иконописцев келарь Данилова монастыря Савва, позже переведенный в московский Чудов монастырь. Вероятно, он воспользовался покровительством благоволившего к Даниловой обители ростовского митрополита Ионы Сысоевича, который в период с 1659 по 1666 гг. был местоблюстителем патриаршего престола. При Ионе артель Гурия Никитина расписывала кремлевский Архангельский собор – усыпальницу русских царей. Но художники были отпущены в Переславль для выполнения монастырского заказа [12, л.1–8]. Для этого нужно было добиться официального разрешения Оружейной палаты и самого царя.

Вероятно, при составлении программы росписи были учтены пожелания как непосредственного заказчика – келаря Саввы, так и его покровителя Ионы Сысоевича, которые, несмотря на открывшуюся перед ними перспективу столичной карьеры, продолжали заниматься укреплением и развитием культов местных святых. «Региональная» ориентированность культа русских мучеников и преподобных становится очевидной при анализе иконографического состава росписей нижней части стен алтаря и опорных столпов собора, где традиционно помещались изображения национальных святых.

В росписи присутствуют изображения «киевских» святых: князя Владимира Святого, Антония Печерского и Феодосия Печерского. В этом нет ничего удивительного, так как князь Владимир почитался повсеместно как креститель Руси, а печерские преподобные издревле

служили примером монашеского служения для монастырской братии в русской церкви.

Еще одна группа изображений святых – особо чтимые в Переславле-Залесском. В нее входят: преподобный Никита Переславский (Столпник), живший в XII в. и удостоенный в XVI в. общерусского почитания; князь Андрей Переславский (Смоленский), подвизавшийся в городе в XIII или XIV ст., и чтимый местно с XVI в.; основатель Троицкого Данилова монастыря Даниил Переславский – крестный отец Ивана Грозного.

Из всех святых, почитаемых в Ростовской митрополии, избраны только ярославские князья, жившие в XIII в., Федор, Давид и Константин, а также Авраамий Ростовский, с именем которого связано распространение христианства в Северо-Восточной Руси.

Из «северных» святых изображен только один – Кирилл Белозерский. Но в полном смысле «северным» его считать также не правомерно. Кирилл принадлежал к числу преподобных основателей монастырей. Будучи современником Сергия Радонежского, он в своей деятельности воплотил ту же модель праведного жития для монашествующих, которая благодаря усилиям Сергия, Кирилла и Димитрия Прилуцкого с конца XV в. воспринималась как нормативная. Кириллово-Белозерский монастырь был конечным пунктом «большого» великокняжеского, а затем и царского богомолья, поэтому тяготел скорее к культурному кругу Замосковья, нежели Севера.

Второй анализируемый памятник фресковой живописи, относящийся к позднему периоду – стенопись Богоявленской церкви Ярославля 1692 г. Церковь была построена и расписана на средства ярославского торговца кожей, купца гостиной сотни Алексея Аврамова, сына Зубчанинова. Как полагают исследователи стенописи, роспись была выполнена артелью ярославских художников во главе с известными изографами своего времени, кормовыми иконописцами первой статьи Дмитрием Григорьевым (Плехановым) и Федором Игнатьевым [2, с.32].

Ктитор храма Алексей Зубчанинов принадлежал к привилегированной корпорации городского населения Русского государства – гостиной сотне. Заметим, что большая часть гостей, а также торговцев из гостиной и суконной сотен проживала в Москве и крупных Замосковных городах. Социальная верхушка городского населения, как правило, была достаточно образована для своего времени, сведуща в вопросах вероучения и должна была подавать пример благочестия прочим горожанам.

Изображения русских святых по воле заказчика и иконописцев помещаются на западной стене церкви (основной объем храма – бесстолпный, перекрыт сомкнутым сводом). Специфика программы росписи – необыкновенно сложной в богословском отношении – определила отказ от использования образов «простых» мучеников и преподобных. Среди русских святых избраны только «святители», выбор которых в XVII в. был не столь уж велик. Поэтому среди них мы встречаем четверых святителей Новгородских – Иоанна, Иону, Евфимия и Никиту, и двоих Казанских – Гурия и Варсанофия. Однако эти, «чужие» для ктитора храма и художников святители изображены на малозначительных местах – откосах окон. Почетные места над ними, на самой стене, сразу же после догматически важных композиций отведены святителям Ростовским и Московским: Иакову Ростовскому, Игнатию Ростовскому, Леонтию Ростовскому, Исаею Ростовскому, Алексию, митрополиту Московскому, Филиппу, митрополиту Московскому, Ионе, митрополиту Московскому, Петру, митрополиту Московскому. При этом ростовские святители изображены впереди московских, что оправдано их более древним почитанием.

В обоих рассмотренных нами стенописях, при полном различии набора русских святых, явно прослеживается предпочтение, отдаваемое святым своего исторического региона.

Изучение памятников иконописи, происходящих из Замосковных городов, с изображениями русских святых дает нам похожий результат. В то же время, здесь мы можем обнаружить и дополнительную информацию, расцвечивающую картину почитания русских святых в Замосковье новыми красками.

Несомненно, наиболее почитаемым святым рассматриваемого исторического локуса в XVI–XVII вв. был преподобный Сергей Радонежский. Иконы с его изображением встречаются практически повсеместно. Как правило, это житийные образы святого, распространенные в иконописи XVI–XVII вв. Наибольшей оригинальностью иконографии отличаются «Ростовские чудотворцы и Сергей Радонежский» из Ростова Великого конца XV – начала XVI в. [5, с.16–17] и знаменитая икона из Ярославля «Сергий Радонежский в житии» XVII в. с изображением Куликовской битвы [9, с.31–33, табл.46]. Без сомнения, Сергей Радонежский был самым значимым святым для всего Замосковного края. Именно почитание святого Сергия духовно объединяло Москву и Замосковные города.

В отношении прочих русских святых города Замосковья сохраняют свою обособленность, отдавая предпочтение местнотимым святым. Даже те из местных святых, кто был удостоен общерусского почитания, редко изображались на иконах в соседних городах, хотя и поминались на церковных службах, а краткие редакции их житий включались в состав агиографических и учительных сборников. Гораздо большей «толерантностью» к «чужим» святым отличались монастыри, особенно крупные. Но и в монастырях из всего многообразия иконографических изображений русских святых, не относящихся к почитаемым в данной местности, выбирались только самые прославленные, такие как Зосима и Савватий Соловецкие, Кирилл Белозерский, Варлаамий Хутынский.

Агиографические источники и материалы иконописи позволяют выделить и еще одну особенность почитания святых, характерную для Замосковья. В Северо-Восточной Руси еще в домонгольское время сформировалась сильная княжеская власть, демонстрировавшая тенденцию к «самодержавству». Поэтому в Замосковных городах был распространен культ святых князей, жизнь большинства из которых приходилась на монгольское время. Князья, независимо от реалий их земной биографии, воспринимались сознанием человека, живущего в центральной части единого Русского государства, в качестве защитников и заступников Святой Руси, принявших на свои плечи заботу о ее судьбе в тяжелейшее время иноплеменного и инославного ига. Во владимирских землях почитался князь Александр Невский, в Ярославле – Федор Черный и его сыновья Давид и Константин, князья первой ярославской удельной династии – Василий и Константин, в Твери – Михаил Ярославич Тверской. В XVII в. культ Александра Невского начинает распространяться по всему Замосковью, но пик его почитания придется уже на XVIII в.

Значимость княжеских культов подтверждают дошедшие до нашего времени иконописные изображения святых князей, отличающиеся высоким художественным качеством.

Из церкви Чудотворцев ярославского Спасского монастыря происходит икона конца XVI в. «Федор, Давид и Константин в житии» [9, с.28–29, табл.40]. Федор Ростиславич Черный (Смоленский и Ярославский) был заметным политическим деятелем конца XIII в., активно участвовавшим в междоусобных конфликтах, в том числе с собственным сыном и племянником. В конце жизни он женился вторым браком на

дочери хана Ногая, крещеной под именем Анна. Федор умер в Ярославле, приняв перед кончиной монашество и схиму, и был похоронен в Спасском монастыре. Там же были похоронены и двое его сыновей от Анны, умершие в детском возрасте. Гробница ярославских князей была прославлена чудесами, а их мощи в XV в. обретенны нетленными [15, с.245–247]. На среднике иконы Федор Черный изображен в одежде схимника, а его сыновья в парадных княжеских одеяниях, так как перед смертью не принимали монашеского пострига. В многочисленных клеймах, окружающих средник, представлены не только эпизоды из жизни святых, но и события из истории Ярославля, достигшего процветания при небесном покровительстве своих святых князей в XVI – XVII вв.

Другая известная икона с изображением святых ярославских князей «Василий и Константин в житии» происходит из Успенского собора Ярославля, служившего главным городским храмом [9, с.30, табл.42]. Василий и Константин жили раньше Федора Черного – в первой половине XIII в. Они были сыновьями первого ярославского князя Всеволода, погибшего на реке Сить в битве с войском хана Батые. Василий скоропостижно скончался во Владимире в 1249 г., когда ездил ко двору великого князя Александра Ярославича (Невского), а Константин героически пал в жестокой битве с татарами на Туговой горе под Ярославлем 3 июля 1257 г. Их мощи были обнаружены после пожара 1501 г., когда старый Успенский собор в Ярославле сгорел дотла. Почитание князей было поддержано великим московским князем Иваном III, пославшим для строительства нового храма московских каменщиков. Сам Иван позже приехал в Ярославль, чтобы поклониться мощам Василия и Константина, которых считал своими предками [15, с.46–47].

С ярославской художественной традицией связывает С.И. Масленицын и икону «Александр Невский в житии» из московского Покровского собора [9, с.41, прим.20]. Появление этой иконы стало результатом широкого распространения почитания святого благоверного князя в Замосковье и других русских землях после его общерусской канонизации на Макариевских соборах и составления новой расширенной редакции жития [6, с.250; 3].

В Твери особо почитался князь Михаил Ярославич, живший во второй половине XIII – начале XIV в., первым утвердивший независимость Тверского княжества, а позже жестоко убитый в Орде [15, с.167–172]. Князь Михаил и его супруга Ксения считались покровителями Твери, с их именами связывалось строительство главного, Спасо-Преображенского, собора города. В качестве небесного патрона

города Михаил представлен на сохранившихся до нашего времени двух иконах конца XVII в. «Князь Михаил Ярославич и Ксения Тверские» и «Епископ Арсений и князь Михаил Ярославич Тверские» [13, с.46, 275–276, табл. 180; 182].

Отдельного исследования на основе изучения целого комплекса сохранившихся письменных и изобразительных источников требует хорошо организованный культ князя Петра и княгини Февронии в Муроме. Следует также отметить, что практически каждый город, бывший удельным центром, имеет своих святых князей, а потому анализ источников, связанных с их почитанием, может существенно расширить и дополнить ту картину княжеского культа Замосковья, которую мы смогли лишь набросать отдельными мазками.

Древнейшим княжеским культом Северо-Восточной Руси был культ святых князей страстотерпцев Бориса и Глеба – святых сродников династии Мономашичей, получившей Суздальские земли в свое подчинение. Бытование этого культа в киевских землях довольно неплохо изучено, а его северо-восточный (Владимиристо-Суздальский) вариант еще ждет своего исследователя.

В XVII в. такое же повсеместное распространение получил культ еще одного «страстотерпца», но теперь уже царского рода – царевича Дмитрия Угличского, списки жития которого и иконы с его изображением бытовали во многих городах Замосковья. «Угличской трагедии» и иконографии святого царевича Дмитрия посвящена обширная литература, поэтому на этом вопросе мы не будем останавливаться подробно.

Распространение и развитие культа святых князей в Замосковье опирались не только на «историческую память» жителей бывших удельных центров Северо-Восточной Руси, им способствовала и поддержка со стороны великокняжеской и царской власти, которая была кровно заинтересована в сакрализации образов земных властителей. Московская царская династия XVI в. с помощью «Сказания о князьях Владимирских» выводила свою родословную от римского императора Августа. В «Сказании» содержится и перечисление главных властных инвеститур московских государей: царского венца, шапки Мономаха, животворящего креста, вместе с которыми от византийского императора Константина Мономаха в свое время на Русь перешла и честь «богоизбранности» правителей государства. Вящей славе «не пресекавшейся» в веках московской великокняжеской и царской династии должны были служить воинские, патриотические и религиозные под-

виги предков, подчеркивающие роль государственной власти в деле защиты православной церкви и всего православного люда. Следующая династия, Романовых, продолжала поддерживать эту линию и всячески подчеркивала преемственность собственной власти от Рюриковичей-Калитичей. Так локальный Замосковный культ святых князей – бывших удельных властителей Северо-Восточной Руси – вписался в пестуемый верховной властью культ русских святых и «великих» предков царствующих особ.

Предпринятый нами анализ ограниченного круга источников разных видов позволил выявить некоторые локальные особенности одного из характерных явлений русской культуры XVI–XVII вв. – почитания национальных святых. Очевидно, что в Замосковном крае отдавалось предпочтение «своим» святым, чья жизнь и деятельность была исторически связана с данной территорией. «Чужие» святые включались в круг упоминаемых на службах, в агиографических и нравственно-учительных сборниках, изображались на стенах храмов и иконах только в исключительных случаях. Как правило, это были знаменитые подвижники, удостоившиеся общерусского почитания. Яркой особенностью культа местных святых в Замосковных городах было почитание святых князей, принадлежавших к удельным династиям Северо-Восточной Руси. Дальнейшее исследование данной проблемы позволит с большой долей достоверности реконструировать общую картину состояния и линию исторического развития культа русских святых в указанном историко-географическом регионе. Важной составляющей такого исследования может стать анализ посвящения русским святым храмов или их приделов, как в монастырях, так и в городах и крупнейших селах Замосковья.

Источники и литература

1. Антонова В.И. О Феофане Греке в Коломне, Переславле-Залесском и Серпухове // Государственная Третьяковская галерея. Материалы и исследования. – М., 1958.

2. Блажевская С.Е. Церковь Богоявления в Ярославле. – М., 2002.

3. Бегунов Ю.К. Житие Александра Невского в станковой живописи начала XVII в. // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы РАН (Пушкинского дома). – М.; Л., 1966. – Т. XII. – С. 311–326.

4. Голубинский Е.Е. История канонизации святых в русской церкви. – М., 1988. (Репринт. – М., 1903).

5. Иконы из собрания Ростовского музея-заповедника. Каталог / Авт.-сост. В.И. Вахрина. – М., 1992.
6. *Ключевский В.О.* Древнерусские жития святых как исторический источник // Ключевский В.О. Православие в России. – М., 2000.
7. Книжные центры Древней Руси. Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности. – Л., 1991.
8. *Коняевская Е.Л.* Очерки по истории тверской литературы XIV – XV в. – М., 2007.
9. *Масленицын С.И.* Ярославская иконопись. – М., 1983.
10. *Масленицын С.И.* Живопись Владимиро-Суздальской Руси. 1157 – 1238 годы. – М., 1998.
11. *Олсуфьев Ю.А.* Описание лицевых изображений и орнамента книг ризницы Троице-Сергиевой лавры. – Сергиев Посад, 1921.
12. Память Переславль-Залесскому воеводе Степану Салтыкову о присылке костромских и ярославских иконописцев Гурия Никитина с товарищи в Москву которые писали в Переславле в Даниловом монастыре стенное письмо для такого ж письма в церкви Григория Неокесарийского. 1668 г. // РГАДА. – Ф. 396 (Оружейная палата). – Оп.1. – Ч.9. – Т.1. – Стлб.11827.
13. *Попов Г.В.* Тверская икона XIII – XVII веков. – СПб., 1993.
14. *Родина М.Е.* Международные связи Северо-Восточной Руси в X – XIV вв. (по материалам Ростова, Суздаля, Владимира и их округи). – Владимир, 2004.
15. Словарь исторический о русских святых. – М., 1991 (Репринт. – СПб., 1862).
16. *Сукина Л.Б.* Особенности почитания местных и региональных святых в Переславле-Залесском XVII века // История и культура Ростовской земли. 2006. – Ростов, 2007.
17. Ярославский историко-архитектурный музей-заповедник. – Инв. – № 536. – Л.104об; 111об.

Людмила Сукина (*Переславль-Залесский, Россия*) **Замосковский край во второй половине XVI–XVII вв.: источники исследования локальной культуры исторического региона**

Замосковский край – устойчивое историко-географическое понятие, принятое в отечественной историографии для обозначения той части Русского государства XVI–XVII вв., которая в удельный период локализовалась как Владимиро–Суздальская Русь. Эта территория сохранила определенное культурное своеобразие и традиционные культурные связи, сложившиеся в прошлом. Проблема современной науки состоит в выявлении характерных черт этой локальной культуры в “общерусском” культурном массиве того

Людмила Сукіна. Замосковний край во второй половине XVI–XVII вв. ...

времени. В статье рассматриваются источники, позволяющие осуществить такое исследование. Особое внимание уделено кругу источников, связанных со специфическими особенностями культа русских святых в Замосковье.

Ключевые слова: Владимиро-Суздальская Русь, Замосковский край, локальная культура, историография, источники

Людмила Сукіна (Переславль-Залеський, Росія) Замосковний край в другій половині XVI–XVII ст.: джерела дослідження локальної культури історичного регіону

Замосковний край – усталене історико-географічне поняття, прийняте в російській історіографії для позначення тієї частини Руської держави XVI–XVII ст., яка в удільний період локалізувалась як Володимиро-Суздальська Русь. Ця територія зберегла певну культурну своєрідність та традиційні культурні зв'язки, які сформувались в минулому. В статті розглядаються джерела, які дозволяють здійснити виявлення характерних рис цієї локальної культури в «загальноруському» культурному масиві того часу. Особливу увагу приділено колу джерел, пов'язаних зі специфічними особливостями культури руських святих в Замосков'ї.

Ключові слова: Володимиро-Суздальська Русь, Замосковний край, локальна культура, історіографія, джерела

Ludmila Sukina (Pereslavl-Zalessky, Russia) Zamoskovnyi krai in the 16th–17th cc.: sources for research of local culture of historical region

“Zamoskovie” is a historical-geographical term of Russian historiography. It is a part of the Russian State of the 16th–17th centuries with Sities of Vladimir, Yaroslavl, Kostroma, Rostov, Pereslavl-Zalessky and Tver. In the Article the sources and methods of research of peculiarities of regional culture are under consideration. The author gives a particular attention to tradition of reverence of local Saints.

Key words: “Zamoskovie”, local culture, historiography, sources